

ВЕРА ЗАЙДЕЛЬ

МАГАЗИН ЗАСТОЙНОГО ПЕРИОДА

АШДОД 2023

Вера Зайдель

**МАГАЗИН
ЗАСТОЙНОГО
ПЕРИОДА**

МЕМУАРЫ

Ашдод 2023

©

Зайдель, Вера. Магазин застойного периода: Мемуары / **Вера Зайдель;** Рис. на обложке-Ольга Васильевна Зеленина; Обложка-Тамара Манкеева. – Ашдод (Израиль): {Б. и.}, 2023. – 26 с. *Автор в мемуарах возвращает читателей в семидесятые годы прошлого столетия, в сложное время, именуемое «застойным». Увлекательно рассказывает о работе в коллективе большого промтоварного магазина: о дружбе, взаимовыручке, сложностях в торговле тех лет.*

В этом произведении нет вымысла, обмана, преувеличений – что сохранила память, то и просится лечь на бумагу.

Зима 1972 - 1973 годов.

Просыпаться и вставать в такую рань мне жуть как не хотелось. Во-первых, я сова, а во-вторых, раннее зимнее утро не вдохновляет на подвиги. Да ещё предстояло в холодном автобусе добираться из одного района города в другой. И с этим маршрутом, и с самим автобусом я была знакома не понаслышке. Как, впрочем, и любой другой харьковчанин, вынужденный пользоваться услугами общественного транспорта. Автобус отправлялся в дальнейшее путешествие с привокзальной площади. С этого места начинался сложный маршрут следования по городу. Возможно, не было постоянного расписания. Или таковое всё же существовало, но сверх секретной информации владели лишь диспетчеры и водители. Простым смертным сие было не доступно. Эх, если бы я могла узнать эту великую тайну, то моя жизнь значительно бы облегчилась! Но не всё дано познать даже ясновидящим.

Существовало два выхода: или обосноваться на вокзале и ожидать там зловредное средство передвижения до полного окоченения и превращения в большую сосульку, или путём сложных расчётов всё-таки установить точное время прибытия и отправления автобуса.

В народе его величали довольно грубым словом – «Скотовоз». Но и своевременное прибытие автобуса еще не означало, что мне посчастливится прорваться внутрь. Многократно я брала его на «абордаж», но он успешно отчаливал без меня. Несколько раз меня выталкивали из автобуса любвеобильные сограждане.

Кроме мыслей о предстоящей борьбе, существовало ещё кое-что, изрядно портившее настроение: я категорически не хотела ехать на новое место работы - в универмаг, где абсолютно всё было для меня чуждым. Но приходилось подчиняться обстоятельствам. И делать не то, о чём мечтаешь, а то, что необходимо.

Дома оставаться тоже не имело смысла: атмосфера в нашем семействе в последнее время стала невыносимой. Моя старшая сестра, нашедшая свою судьбу на берегу малюсенькой речушки Мжи, в предпоследний день

уходящего 1972года вздумала рожать. В момент её ухода в роддом лампочка в коридоре разлетелась на мелкие кусочки. Все вздрогнули - не к добру! Так и случилось: ребёночек умер, сестра вернулась домой больной и разбитой. Долгое время она не могла прийти в себя. И только рождение дочери спустя годы смогло притупить боль произошедшего. Вот такая нервная обстановка сложилась в начале моих новых трудовых подвигов и достижений.

В утро 31 декабря в маленькой нашей квартирке натоплено было сверх меры. В печной трубе уютно завывал ветер. И мысль о безлюдной улице и холодном выветренном автобусе приводила меня в состояние, близкое к тихому помешательству...

Но делать нечего. Надобно добывать средства на своё скромное пропитание. Но "тёплое местечко", где можно было подремать с девяти утра и до пяти вечера и ещё иметь два выходных дня и третье, дополнительное, для успешного завершения учёбы - для таких, как я, не существовало. Без протекции. да ещё и учась на предпоследнем курсе института, найти работу оказалось сложно. Мои ноги истоптали не одну пару обуви, а уши выслушали с десятков отказов, когда я оббивала пороги различных организаций родного города.

Помощь пришла от однокурсницы. Наши фамилии начинались с одной и той же буквы "Р". И "тесная дружба" между нами зиждилась на общих контрольных работах, курсовых проектах и многом другом, чем приходилось делиться с предприимчивой девицей. Я, к сожалению, не умела отказывать. Вот и приходилось писать, считать, складывать и умножать - на благо многих сокурсников, коим мои труды так же, как этой женщине, подходили. На контрольные работы и курсовые существовала определённая такса, о чём я и не догадывалась. А тут - всё бесплатно: бери и владей!

По-видимому, устроив меня на работу в этот магазин, моя однополчанка почувствовала себя благородным человеком, сполна заплатившим по долговым распискам. А мне ничего не оставалось, как подчиниться жизненным обстоятельствам. Печальнее всего было начинать новую трудовую деятельность в последний день уходящего года - 31 декабря 1972года. Скрепя сердцем всё же пришлось...

Сейчас те времена называют «застойными». Итак, в самые, самые эти застойные времена я и переступила порог универсального магазина. Если бы у меня был дар предвидения, то я бы сразу же сбежала, не испытывая угрызений совести. Но, что не дано, то не дано!

Сие торговое предприятие располагалось на двух верхних этажах трёхэтажного здания. Первый занимал мебельный магазин, в котором мебель отсутствовала, но присутствовали снующие грузчики.

Вожделатели кроватей, стенок, тумбочек и зеркал, а также предмета роскоши-ковров- записывались в бесконечные списки, чтобы после записи не спать нормально и не есть с аппетитом, а пристально следить за очерёдностью в ожидании чуда. И оно происходило, но не с ними...

В те годы мы зачитывались несравненным Артуром Хейли. Его аэропорты, гостиницы и прочие предприятия были переполнены умными деловыми людьми. И его персонажам удивительно везло в жизни: их идеи принимались начальством, они успешно продвигались по служебной лестнице и даже богатели.

Любимый автор с энтузиазмом описывал "загнивающий" капитализм,, как тогда называли его руководители нашей державы, стараясь при каждом удобном случае попользоваться "гнильём" всласть...

Интересно, если бы знаменитый писатель познал очарование социализма, смог бы он написать хотя бы один роман?!

Моя однокурсница направила меня к администратору, а та - отвела в кабинет директора. Им оказался импозантный пожилой мужчина. Звали его Ефим Борисович. Официально. А за глаза все величали не иначе, как "ЕБ".

Ефим Борисович был фронтовиком. На войне получил тяжёлые увечья. На мир он мог глядеть лишь одним глазом, второй ему заменил протез. Когда ЕБ злился, что случалось часто, лицо его становилось пунцовым. И иногда, грозно нависнув над провинившимся, он терял искусственное око. Зрелище - не из приятных и не для слабонервных.

Смеяться над начальством открыто никто не осмеливался, но на "чужой роток не накинешь платок," и потому очередной казус ещё долго смаковался дружным, спаянным трудовыми буднями и взятыми обязательствами, коллективом.

Директор оказался и добрейшим человеком, и ходячим вулканом, точную дату извержения которого, как и положено природному катаклизму, не спрогнозировать.

После скорого знакомства Ефим Борисович направил меня в отдел по продаже канцелярских товаров, тяжелых цветных телевизоров, игрушек - в самую гиблую точку магазина. Как не послать новобранца на передовую! Безусловно, я не имела понятия, куда меня определили и за какие провинности. Имей я со стороны хоть какую-нибудь «руку» (волосатую или безволосую: в моём случае - неважно), то оказалась бы в одном из отделов, где продавцы особо не утомлялись. При переучётах недостатков не выявлялось. И никто из работников не собирался увольняться по собственному.

Мне же пришлось работать в совершенно иных условиях. Предстояло многое узнать и пережить. И каждым утречком брать на «абордаж»

славный автобус 44-го маршрута, ласково, с милой ненавистью называемого народом «Скотовозом»...

Вот и первый месяц пробежал, пролетел, но не скажу, что как один день. Тошно! И зачем я в этот гадючник пришла работать!

Всё труднее было вставать по утрам, спускаться, скользя по крутой обледеневшей горе вниз, к железнодорожному вокзалу. При спуске всегда старалась ухватиться за примёрзшие к земле кустики. Сохранять равновесие было сложно. Каждый раз боялась сломать в себе чего-нибудь важное. После работы, вечерней учёбы возвращалась за полночь. И так каждый божий день начинался и заканчивался!

При иных обстоятельствах можно было бы найти отдушину дома, но здесь всё обстояло ещё сложнее: сестра плачет, её муж угрюм, не разговаривает, злится на весь свет. А я попадаюсь под руку. Нет, лучше по скользкой горке куда глаза глядят!

Странное что-то происходило в нашем отделе. Никто из продавцов, работающих давно, не знал цен на мелочёвку: ручки, карандаши, блокноты. И постоянно они о чём-то между собой шушукались.

Зашла в соседний отдел, захотелось посмотреть, как у них организована торговля. Сзади шёпот: «Будь внимательна, а то останешься голой и босой...» Оглянулась - все заняты своими делами. Кто предупредил?

Хочу уволиться! С кем поговорить, посоветоваться? От заведующей Милы, она всегда разукрашена синяками, получила нарекание: «Где была? Нечего общаться с чужими!» А кто свой - не разъяснила.

Спрашиваю старшего продавца, мою тёзку, что происходит. Она смеётся, она всегда смеётся, даже противно:

-Не дрейфь, всё путём, всё нормально. Давай-ка лучше вытянем из подвала пару-тройку цветных телевизоров.

-Но они неподъёмные!

-Ничего, поднимем...

У Веры четверо детей, а у меня, наверняка, не будет ни одного...

«Не дрейфь, всё нормально, всё под контролем» - вспоминаю я Верины слова в промозглом автобусе. Все сидения заняты, а я едва держусь на ногах после тяжёлого нервного дня. Какой контроль? Какой порядок? Где они? Мрак...

Середина зимы, февраль. Холод собачий, как на улице, так и в автобусе. Несколько часов сна и долгая бессонница в ожидании наступления очередного утра.

Я почти всегда запаздываю к открытию магазина. Пробегаю мимо парфюмерного отдела, галантерейного, здороваюсь со всеми на ходу. За

прошедшее время с некоторыми работниками познакомилась поближе. Мне улыбаются. Ко мне обращаются. Чувствую изменения в отношениях. Но в своём коллективе - чужая. И причина тому - я хочу разобраться в том, что происходит вокруг меня. И это сложно. Но я пытаюсь.

Заведующая отделом каждое утро приходит с новыми отметинами на лице, руках, но всегда улыбается, радуется, наверное, что ещё жива. Гундосит. Возможно, нос перебит. С улыбкой сообщает: "Бьёт, ревнует, любит..." Впервые услышав такое, я поперхнулась, а она, заметив моё удивление, прикрикнула: "Нечего пялиться, всем за работу!"

За какую работу приниматься? В отделе игрушек самообслуживание. Туда из-за нехватки рабочей силы согнали всех, кто на своём месте не нужен. Стоят молодые девчонки, мух на потолке считают. Покупатели и продавцы - каждая группа сама по себе. Игрушки поломаны, стеллажи завалены хламом. Подправила там, положила сюда, расставила то и это. День покатился, а вместе с ним и я незнамо куда.

Зато весело. Ведь у нас имеется всё для безудержного веселья – проигрыватели, приёмники, пластинки, магнитофоны. Ширпотреб. Вероятно, где-то существуют и дефицитные товары, но я таковых не замечаю. Скорее всего они, не достигнув прилавка, по пути следования растворяются в воздухе, а потом, в виде благодатных осадков оседают у "нужных" людей. А рядовым служащим, обычному люду, что им, что для них? А ничего. Система такая. И название ей - Социализм. Всем по заслугам, всем по труду.

В торговом зале звучит удивительнейшая по красоте музыка из кинофильма «Крёстный отец», заслушаться бы и никого и ничего не видеть...

Толстая тётка, продавец нашего второго отдела, канцтоваров, несётся с пачкой пластинок. Берёт домой. Спрашиваю, как это "взять домой" без денег? Ведь три рубля - цена каждой из них.

- Веруня, не твоего ума дело, ты - новенькая! Чинишь игрушки? Вот и занимайся этим!

- Мил, можно я возьму в свой выходной день ещё и приёмник вон тот, маленький, радио послушаем с мужем, я потом верну,- обращается она с очередной просьбой к нашей общей начальнице и боевой подруге.

-Что с вами поделаешь, бери,- слышу я ответ.

- Мил, дай-ка мне магнитофон на завтра, – это уже просит заведующая соседнего с нами отдела.- Гости приедут - музыка нужна!

«Дай, дай, дай...» – доносится со всех сторон...

Мила растягивает рот в улыбке. Старые синяки на лице приобретают

желтизну. Одни исчезают, другие появляются. Её же любят

Я учусь на предпоследнем курсе института, и мне положен дополнительный выходной день, среда. Как бы в этом бедламе дожить-то до очередной среды!

Среди женщин в "Промтоварах", так в округе называют наше торговое предприятие, работают всего двое мужчин: директор и грузчик, который, по моему мнению, является человеком без возраста.

При первой встрече увидела в нём тургеневского Герасима: не говорит, а мычит, хотя не нем, и язык человеческий ему доступен, и собачку или котёнка ему злая барыня не приказывала утопить.

Одежду этого индивидуума описать почти что невозможно: брюки – не брюки, телогрейка – не телогрейка, вроде бы и не гол, но и одетым его назвать трудно - всё выглядит тряпьем. На небритом лице, более подходит «рожа», тупое угрюмое выражение.

Если необходимо из подвала на примитивном подъёмнике доставить в торговый зал тяжеленный цветной телевизор или иное что, его никогда нет на месте - он исчезает. А появляется, когда не нужен.

"Герасим" любит, приоткрыв штору, отделяющую торговый зал от служебных помещений, наблюдать за всем происходящим, чтобы потом сообщить директору. Сколько раз я, сталкиваясь с ним, пугалась - не счесть!

На работу в наш отдел поступили две молодые замужние женщины - Лида и Лена. У Лиды острый носик, волосы она схватывает на макушке резинкой в "хвостик", и сама похожа на лисичку. Лена юна, но склонна к чрезмерной полноте и потому выглядит много старше и Лиды, и меня. Лида быстрая, подвижная. Лена медлительна и задумчива.

В первый рабочий день вместе с Лидой пришли её муж Юрий и двухгодичный сынишка - забавный и смышлённый малыш. Он всех называет "бобинами". Впервые за несколько месяцев я громко смеюсь. Лида улыбается, Лена безмолвствует.

Я присматриваюсь к новеньким, они - ко мне. И, как мне кажется, обе стороны довольны знакомством. В душе я и боюсь перемен, и одновременно желаю их. Страшат мысли о том, чтоб вновь поступившие продавщицы не оказались подобны старым. Но я чувствую - мы по одну сторону баррикад.

Через несколько дней появилась и Валя. Одного взгляда хватает нам обеим, чтоб понять - мы всегда будем единомышленниками, и дружить будем даже после расставания. Валентина недавно вышла замуж. И её муж тоже интересуется местом работы жены. Новые продавщицы оглядываются, осматриваются, переговариваются в большей степени со мной, чем с начальством или друг с другом.

Наше общение не нравится Миле. Она старается нас разобщить. Атмосфера всё более становится невыносимой. И никто из нас и представить не может, что всех ожидают серьёзные потрясения.

Не было такого дня, чтоб Мила не появилась на рабочем месте не избитой. Она постоянно о чём-то шепталась со старшим продавцом - Верой. Ещё больше гундосила, отдавая противоречивые указания. А мне действительность казалось ещё более тёмной и безысходной.

В марте Милы не стало. Врачи и муж заставили её сделать аборт. Женщина от рождения страдала пороком сердца. У неё уже был сынишка. А "преданному" спутнику дети больше не нужны были. Поколачивая её, знал, что ей нельзя ни рожать, ни аборт делать, но не задумывался над тем, как сохранить здоровье жены.

При обезболивании у Милы оторвался тромб. Говорят, муженёк на похоронах был трезв и рыдал в три ручья. Я на кладбище не ездила: моё возмущение им было настолько велико, что я побоялась себя.

К моменту Милиной смерти все мы, новенькие, проработали не больше двух- трёх месяцев. Ни она, несчастная, и никто другой в отделе и в магазине не мог бы предположить такого финала.

Начальство городского "Проморга" отреагировало на смерть заведующей по-своему: прислало проверяющих. Переучёт выявил огромную недостачу материальных ценностей.

"Старослужащих" уволили как-то странно: по-тихому. А нас, пришедших им на смену, собрали у директора объединения. Обзывали воровками, грозились уволить " по статье", если мы подадим групповое заявление на увольнение. Не дали и слова вымолвить: выдворили, вышвырнули, как мусор, из кабинета.

У меня горели щёки, пекло огнём внутри. Я никогда и копейки чужой не присвоила, а тут: Воровка!

Домой шла по центральной площади родного города, не замечая людей. Но внезапно почувствовала сильный толчок. Это шедшие навстречу мужчины, раскачавшись, толкнули меня под колёса троллейбуса! Вероятно, пьяная компания таким образом веселилась.

Непомерно тяжёлый день мог закончиться и трагедией.

Дома я повисла на маме, рыдания мои раздавались по всей округе. Напуганная мама умоляла успокоиться, уверяла, что деньги не самое важное: выплатим и забудем. А я, не слыша её, причитала:

- Но я не брала чужого, не крада, я не воровка, а меня оскорбляли, обзывали, как жить, как жить после всего этого!

В какой-то момент матери мои стенания надоели. Она, рассердившись, оттолкнула меня:

- Хватит! Жить будешь, как жила! Прекрати выдумывать! Если бы я после всех несчастий вешалась, где бы вы все сейчас были?-

Много позже она частенько, когда наши отношения перерастали в ссору, попрекала теми девятью рублями, которые я на протяжении девяти месяцев приносила в виде заработной платы. Хотя я знала - мамыны укусы беззлобны, но было обидно выслушивать глупые слова. Они задевали гордость. Щемило сердце, выступали слёзы.

В магазине из младшего продавца в мгновение ока я превратилась в старшего. И зарплата повыше, будет из чего покрывать и следующие недостачи, и ответственности с Эверест - будет с кого спрашивать за всё, что происходит или произойдёт с товаром, на меня записанном!

В документе о передачи материальных ценностей пришлось расписаться. Иначе не получалось: или с позором уйти, замарав трудовую книжку, или остаться работать и тащить воз, который мог в любой момент раздавить...

Стать заведующей отделом я не согласилась. Мне виделась в этой должности серьёзная взрослая женщина, имевшая опыт, к которой можно будет обратиться с любым вопросом. Но я ошибалась. И ошибка эта дорого стоила всем нам.

Девочки жались ко мне. Смотрели с надежной. Им почему-то казалось, что мне подвластно чудо сотворить. Чудо - не чудо, а подвести их и себя не могла, и потому принялась изучать всю документацию.

Не поднимая головы, не выходя в торговый зал, не кушая и не слушая никого, сидела несколько дней в подсобке. Я разбиралась с отчётами, со сданными на инкассацию деньгами, с отосланными на заводы бракованными товарами. Отыскала два цветных телевизора, отправленных в ремонт, а мы их уже выплачивали государству. Находка особо не повлияла на те суммы, который у нас отбирались, но она помогла встряхнуться, оглядеться и принять некоторые решения - трезво и обдуманно.

Я ушла " в подполье": наводила порядок в трёх складах, расположенных в подвале, двух подсобных помещениях, находившихся в близости от торгового зала. Заметила, что в любой запечатанной коробке с ручками, карандашами, копеечными блокнотами или дорогими пластинками, во всём при вскрытии обнаруживалось меньшее количество, чем указывалось на ярлыках.

Было ли воровство внутри коллектива или не было, но извне оно к нам шло постоянным потоком. И изменить ничего нельзя было: инструкции, написанные неизвестно кем, запрещали вскрывать упаковки при приёмке, а потом, когда проходил большой отрезок времени и необходимо было пополнить запасы на полках в зале, и выявлялись недостачи.

Запомнился завод грампластинок "Апрелевский» в ленинградской области. Пластинки, стоимостью в три рубля. И в каждой коробке отсутствовало по одной, две.

Мои изыски никого в "Промторге" не удивили и не заставили ни почесаться, ни проворнее задвигаться в нужном направлении. Я слышала на протяжении нескольких лет одно и то же:

- Пишите, сообщайте, меры примем...

Годы шли, на заводах и фабриках воровали по-прежнему, а мы платили и "за того дядю" и "за ту тётю"!

Несмотря на всяческие неурядицы, каждодневный тяжёлый труд, в глазах и в душе, выражаясь словами моей бабушки, наступило просветление. Жизнь входила, если не в нормальное русло, то в терпимое: на улице потеплело, снег стаял, в автобус протискиваться стало проще. И путь казался не настолько длинным.

В нашем коллективе установились тёплые дружеские отношения. Теперь работа в магазине уже не ощущалось непрекращающейся пыткой.

Мы все вместе обедали в кафе или в одной из "Домовых кухонь." В районе Харьковского тракторного завода (ХТЗ) их в те годы было открыто большое количество. Блинчики с пылу-жару, свежие котлетки с гарнирами, супы и борщи - всё горячее, свежеприготовленное, вкусное.

Я побывала дома почти у всех сотрудниц. У Лены мы отмечали её день рождения. Однокомнатная квартирка, в которой она проживала с мужем и матерью, находилась в нескольких минутах ходьбы от магазина. Комната была перегородена шкафом: с одной стороны территория престарелой матери, с другой - кровать молодожёнов. Лена недавно вышла замуж. Нормальных отношений с мужем поддерживать из-за близости матери не могла. Страдала. Полнела. И это приводило её в отчаяние. Они с мужем мечтали о детях, но время шло, а беременность не наступала. Мы сочувствовали Лене, поддерживали её, убеждая в том, что всё наладится.

Иной раз, когда не нужно было на ночь глядя ещё и в институт тащиться, я оставалась ночевать у Лиды, жившей с мужем и малышом в двухкомнатной кооперативной квартире. Их благожелательность и близость потешного мальчишки поднимали настроение.

Когда в одном месте сосредоточено большое количество молодых девушек и женщин, вокруг них всегда, расправив перышки, кружат мужчины. Оказывают всяческие знаки внимания. И дня не проходило, чтоб нас кто-то не угостил мороженым, конфетами. Смех, улыбки вернулись в нашу жизнь.

Из соседних отделов поступали просьбы поставить ту или иную

пластинку. Мы не отказывали. Звучала музыка. Никто ничего у нас не просил. И я никогда и ни к кому не обращалась с просьбами, хотя нуждалась во многом. Уважая других, я сама чувствовала их искреннее уважение ко мне. Я не хотела ставить людей в неловкое положение: наверное, дефицит имелся в закромах, но он так быстро распределялся теми, кто был "сверху", что мне бы всё равно ничего не досталось. Однажды на улице продавались индийские мохеровые шарфы - продавщицу едва не растерзала толпа.

Наши покупатели, в основном работники завода, в те годы появлялись в магазине с толстыми кошельками. От мужчин всегда несло перегаром. Неопрятные женщины мотались по отделам с авоськами, набитыми продуктами, таща за собой малолетних детишек. А те заскакивали в отдел игрушек и хватали всё, что встречали на своём пути.

Мамаши тратить кровные денежки на ерунду не собирались, но и останавливать детей не входило в их планы: пусть потешатся бесплатно. В результате - игры разбрасывались по полу, куклы падали, разбивались. Урон наносился значительный. После наплыва покупателей, я усаживалась на широкий подоконник за шторой, отделявшей окно от торгового зала, и занималась мелкой починкой: вправляла выкрученные руки -ноги куклам, собирала конструкторы, складывала в коробки разбросанные кубики. Малюсенький пяточок за портьерой стал моим любимым местом...

Окружавший нас торговый люд, видя наши старания, начал относиться к нам по-иному. Особенно благоволила нам заместитель директора - администратор Люда, Людмила Дмитриевна. Она, как и я, тоже заканчивала институт.

Проходя мимо, всегда мне улыбалась, останавливалась, расспрашивала, давала кое-какие советы. А я в дни наибольшего покупательского наплыва помогала ей инкассировать деньги.

Со временем у нас установились тёплые доверительные отношения. Люда была старше меня лет на двадцать. Имела дружную семью и выглядела молодо. Две дочери -близняшки и муж, высокий импозантный мужчина, иногда заходили за ней после работы.

Девушки были статными, с русыми косами. Истинные красавицы! Одна из них, та, что родилась второй, постоянно болела. И, как ни странно, именно она вышла первой замуж и родила сыночка. И теперь вся родня опекала и её, и сынишку, потому что молодая женщина, став матерью, чахла на глазах. Я сопереживала. Мне было жаль хороших людей.

Почувствовав поддержку со стороны Люды, я немного успокоилась, но,

как показала жизнь, напрасно. Новые тревоги не заставили себя долго ждать...

В конце весны к нам в отдел пришли две работницы: взрослая женщина Марину и семнадцатилетняя Раиса. Предполагалась, что именно Марина и получит должность заведующей отдела. Я не возражала: Марина казалась человеком серьёзным. Она недавно вернулась из Монголии, где муж служил водителем у какого-то начальника. Марина до своего отъезда за границу работала в книжном магазине. Сейчас же её место было занято. Потому она пришла к нам. Но Марина отказалась от новой должности, отдел под своё командование не приняла, побоялась ответственности. И мне пришлось совмещать две должности, получая при этом всего девять рублей в месяц. Остальная сумма шла на погашение мнимого долга! Спустя некоторое время Марина вернулась в книжный магазин, и мы ещё долго общались.

Семнадцатилетнюю Раису взяли ученицей. Предполагалось, что она будет учиться профессии. Она и "училась"- грубила и спорила по любому поводу. Именно это Рая умела делать лучше всего. Как я узнала позже, такие отношения, а она жила с матерью, царили в её небольшой семье. И она считала их нормой. Мне и в голову не приходило пожаловаться директору. Терпела. Успокаивало: у Раисы не оказалось союзников. И кое-как ею ещё можно было управлять.

К началу лета в нашем женском коллективе появился мужчина, молодой, женатый, амбициозный, за плечами которого был крепкий тыл в виде отца, занимающего в торговле высокое положение.

То ли Раиса первой начала влиять перед ним "хвостиком", то ли он на неё "положил глаз", но поддержку и значительную она получила от Володи сразу же. С приходом Владимира закончилось временное затишье и некое успокоение, и началась неразбериха: я по-прежнему составляла отчёты - недельные, месячные, квартальные. Занималась кассой и складскими помещениями, следила за бесперебойным поступлением товара в торговый зал, подменяла кассирш, продавцов в их законные выходные дни. Закрывала и открывала магазин, согласно графику дежурств: не помогало увильнуть даже то, что живу на другом краю города. Убеждала: сработает сигнализация, и милиции придётся ехать за мной из одной тьму-таракани в другую. Однажды так и произошло. После этого случая ключи передавались уже Володе.

К обычным занятиям прибавилась и слежка за новым заведующим. На этом настаивали мои сотрудницы. Стоит уточнить: слежка не потому, что сомневались в его честности - Володя не был вором, но был

безалаберным человеком, и кто мог знать, к чему может его безответственность и расхлябанность привести всех нас. Ведь мы уже выплачивали чужие долги...

Владимир уезжал из магазина на торговые базы, где ему, самовлюблённому, но малоопытному, выписывали всё залежавшееся. Увещевания быть повнимательнее и несговорчивее Вовиных ушей не достигали.

Мы были предоставлены сами себе. Опыта с ноль. Никто не предупредил и о том, что нужно остерегаться аферистов. Однажды, по просьбе слезливой цыганки, разменяли ей сто рублей. Кто мог из нас знать, что это избитый трюк, цирковой номер. Тебя просят об размене сотни на десятки. После размена, вдруг, человек передумывает и забирает свою купюру назад, а ты, пересчитывая вечером деньги, обнаруживаешь недостачу в пятьдесят рублей. Такое случилось с нами, брошенными в воду котятками: выплывут - хорошо, потонут- другие займут их места. Ведь в нашем обществе считалось: " Незаменимых - нет".

Я чувствовала свою вину за случившееся, так как разрешила кассиру размен. Но сколько ни терзайся, а в кассу необходимо было срочно вернуть деньги, потому что такое происшествие посчитали бы серьёзным преступлением. Мы из кассы не брали и копейки.

Я рассказала о случившемся только Людмиле Дмитриевне. Она посоветовала до пяти вечера, момента, когда приезжает инкассатор, погасить долг. Но как? Двадцать пять рублей Люда собрала в других отделах, якобы для какой-то своей покупки. Рублей пять, шесть насобирали мы сами, а за остальной суммой отправилась домой Валя - это её и меня обманула пожилая, на вид приличная, женщина.

Конечно, Валентине, мы постепенно деньги вернули, как и Людмиле, но собрать в те времена пятьдесят рублей оказалось ох как трудно.

Кассовые аппараты в те годы, хоть и были электрическими, но сложных операций не производили, часто ломались и тогда, чтоб отбить чек, приходилось крутить тяжёлую ручку. Так и произошло в тот длинный и нервный для нас день: мало оказалось тревог, так ещё и аппарат отказывался открыть ящик, чтобы мы смогли вложить недостающую сумму. Но к прибытию инкассатора деньги были пересчитаны, схвачены резинкой и упакованы в специальную сумку.

В свой "Скотовоз" я вползла совершенно разбитой. Двери захлопнулись, я опустила на сидение и тихо, прикрываясь рукой, заплакала.

Конечно, о новой неприятности я не могла рассказать семье: во-первых, я и так не приносила денег, во-вторых, никому до меня не было дела. Иногда бабушка интересовалась, но и перед ней я не хотелось открывать душу.

Началась весенняя сессия. Многие из моих однокурсниц были замужем и успели обзавестись детьми. Из моих рассказов они знали, в каком сложном отделе я работала. Рассказала им и об афере с разменом. Как оказалось, не только мы повелись на этот обман.

Я не могла надолго покидать магазин. Потому и сновала между домом, работой и институтом. В эти дни по ошибке к нам завезли немецкие игрушки. Володя отсутствовал. План выполнять необходимо было. Я и отправила в прямую торговлю почти всё. Вот порадовался-то простой народ!

Когда же высшее начальство очнулось, забирать уже было нечего. Как ни странно, ни выговоров, ни вызовов на ковёр для объяснений не последовало. Моя проказа, а действовала я намеренно, понимая, что последует наказание, сошла с рук.

Среди поступившего товара имелись маленькие куколочки размером с ладонь и меньше. Каждая стоила копеек по шестьдесят. У всех были разные лица, причёски, одежда. Я забрала коробки с куклами и увезла в институт. С тяжёлой ношей едва добралась.

Мои однокурсницы, предложившие помощь, сами и распродали всех кукол, а "барыш" - рублей пятнадцать - я положила в кассу. Ни копейки не взяла и на обратный проезд. Неизвестно для чего и зачем рисковала я своим образованием да добрым именем: спекуляцию в стенах учебного заведения мне не простили бы...

Лето пробежало в постоянных заботах, а к началу осени пропал муж сестры. Остаток отпуска Валерий решил провести у водоёма: уехал в Старый Салтов* на неделю и не вернулся. Исчез. Взял палатку, учебник английского языка, немного провизии. Заранее договорились: в ближайшие выходные мы его навестим. Но ранние холода и моя несносная работа помешали нашим планам. Посчитали: скоро он возвратится домой, чего нам простуживаться - впереди для болезней ещё имелись осень и зима, да и весна, иной раз, заставляет долго чихать и кашлять.

Первого сентября Валера должен был вернуться и продолжить трудовую деятельность на заводе имени Малышева. Но не вернулся. И начались поиски. Искали его друзья, и мой друг Алик** отправлялся в Салтов после ночных смен в типографии. Безрезультатно. Пропал, как "в воду канул". А вода-то и рядом, далеко ходить не нужно было...

Обратились в милицию, а те не спешили, считая, что в утопленниках не числится! Выдвигались различные версии: бросил жену, у любовницы, наркоман, пьяница. В общем - загулял. Но мы-то знали его как серьёзного человека и потому беспокойству нашему не было предела. В магазине сотрудники мне сочувствовали, тревожились, расспрашивали и поддерживали. В редкие моменты, когда уменьшался покупательский поток и затихала торговля, я укрывалась за шторой на подоконнике, вспоминала все мои с ним ссоры, жалела о них. Моё воображение рисовало одну картину страшнее другой. То мне казалось - утонул, то - его убили. Страх сжимал сердце. Я представляла похороны, безутешную вдову. К счастью, и зять оказался живее всех живых, и нашёлся сам: его отпуск был длиннее, чем мы предполагали. Он лежал в палатке и изучал английский язык. Мы были злы на него, но в душе, конечно, радовались: обошлось! Зятя вызвали в милицию. Там он получил заслуженный нагоняй. Его заставили подписать документ, в котором указывалось, что он не может покидать город в течении месяца. А ему необходимо было отправиться в командировку. Теперь Валера злился и укорял нас за обращение в милицию. Обзывал паникёршами. А мы посмеивались: так тебе и надо, получай, нечего было неизвестно где скрываться!

Редко случались дни, когда в нашем отделе отсутствовали молодые люди. Один из кавалеров постоянно приносил мне книги для чтения. Высокий, плотного телосложения Сергей был таким же завзятым книгочеем, как и я. Павлуша, маленький, юркий, крутился почему-то рядом со мной. Каждый день на большом блюде он приносил из кафе мороженое разных сортов в шариках. Благосклонно принимая, мы подшучивали над ним, а он улыбался. Худенький парнишка обладал бесценным даром - миролюбивым характером.

Незаметно в нашей, скорее моей жизни появился прапорщик Виктор - худощавый высокий человек лет двадцати пяти. Каждый раз он возникал предо мной неожиданно и исчезал незаметно. Придёт, постоит у прилавка, помолчит, посмотрит на меня с полчасца, с час, и растворится в воздухе. А мне после его очередного посещения приходилось осаживать своих сотрудниц - иначе бы я потонула в их разговорах на эту тему и улыбочках. Однажды он принёс чеканку, выполненную собственными руками. * На обратной стороне каллиграфическим почерком написал: «Веронике от Виктора». С приятной хрипотцой в голосе сказа

- Подписал Веронике, но вижу Кармен - так я вас ощущаю!

После его подарка девчонки не давали мне проходу. Но отношения с ним не завязались. Раиса пригласила его на свой день рождения, там же была и я. Несколько раз Виктор пригласил меня на танец. Но мне пришлось уйти

раньше всех: необходимо было посвятить ночь курсовой. Виктор проводил меня до троллейбуса. Больше мы с ним не встречались. Я привыкла к молчаливому Виктору. И ещё долго ощущала некий дискомфорт от его отсутствия.

Женский коллектив выдвигал разные версии исчезновения, но к общему мнению мои сотрудницы не пришли. Время, учёба, работа вытеснили воспоминания о Викторе.

Осенью произошло значительное событие: у Володи родилась дочь. Я не была знакома с его женой, но знала, что та рожала с одной почкой, вторую повредил туберкулёз. Думая о незнакомке, я испытывала страх: а вдруг всё произойдёт, как с Милой. Я мало что смыслила в родах, но понимала сложность ситуации, в которой оказалась семья Владимира.

Женщина лежала в больнице, Володе часто приходилось к ней ездить, а мне - ещё часть работы взвалить на себя: иного выхода не было.

У меня скопилось сорок выходных дней. Мне необходимо было хотя бы на две недели отстраниться ото всех дел и пройти преддипломную практику в Промторге. Владимир благополучно стал отцом, жена пришла в себя, мы все вздохнули с облегчением. Я ушла в оплаченный отпуск.

Уйти-то ушла, да кто дал добро на спокойствие?! Мне постоянно звонили сотрудницы, докладывали о новых "подвигах» нашего заведующего. Они не клеветали, не подсматривали, не выслеживали - люди боялись его неразумных действий, которые, в обязательном порядке, повлекут за собой новые выплаты из их скудных зарплат. Торговля в большом отделе - дело коллективное. И чьи-либо ошибки обязательно заденут всех.

Декабрь 1973 года выдался сложным месяцем. В Володиной семье разыгралась трагедия: оказалось, что сердце новорожденной девочки большего размера, чем оно должно быть. В простонародье, до этого случая я никогда ничего подобного не слыхала, такое сердце называется бычьим. Проблемы со здоровьем начинаются, когда ребёнок становится более подвижным. А резкое ухудшение наступает при попытках сесть.

Я попросила маму, работавшую нянечкой в той же детской больнице, разузнать подробно о малышке и страшном диагнозе. Она и узнала, и смогла порекомендовать профессора, занимавшегося такими детьми. Но прогноз оказался неутешительным.

На работе Володя и вовсе перестал считаться с иным, отличным от его, мнением. И пошёл бесконечным потоком в наши закрома никому ненужный товар. К концу года в подсобных помещениях места свободного не осталось. Все полки, проходы заставлены были всяческой

ерундой. у покупателей спросом не пользующейся. И дней за десять до новогоднего праздника он привёз ящики с ёлочными игрушками. И ни в одном из них не находилось то, что записано было в сопровождающих документах. Вызывались комиссии, и никто ни в чём не разобрался. Директор требовал: немедленно ёлочные украшения отправить в торговый зал.

31 декабря я осталась в отделе вдвоём с Раей. Вова должен был присутствовать при обследовании в больнице. Валя уехала к родителям в другой город, несколько человек грипповали. Я то сидела в кассе, то отправлялась на помощь к Раисе.

Покупалось всё для ёлок. Я отбивала цены, в правильность которых не верила, а Раиса, стоя рядом, упаковывала новогоднюю мишуру в картонные коробки. Неожиданно отдел закрыли. Торговлю прекратили, рассерженные покупатели ринулись в соседний магазин, а меня вызвали в к директору.

В кабинете сидел высокий хмурый мужчина неопределённого возраста. При мне он упаковал в специальную сумку ёлочные игрушки, приобретённые кем-то из подставных покупателей. Сумку запечатал. Мне дал подписать какую-то бумагу. Я ничего не видела и не слышала. Сердце бешено колотилось, перед глазами плыли круги.

Ефим Борисович кивком головы указал на дверь. Ноги не держали. Мысли путались. В ушах стояли слова незнакомца: " В кассе сидели вы? Не отказываетесь? Ну и ладно. Шары отдадим на экспертизу. По результатам проверки будем решать, как поступить с вами - оставить на свободе или... "

Тюрьма! Её я видела каждодневно, мимо неё пробегала, вся моя жизнь прошла рядом с ней, но оказаться внутри - мама этого не переживёт! И за что?!

Всю предновогоднюю неделю я бегала в магазин, который торговал теми же игрушками. И они тоже не знали, правильные ли у них цены. Иногда я слышала от покупателей: " У вас шар с присыпкой двадцать три копейки стоит, а напротив - двадцать четыре." Или: " У ваших соседей бусы стоят двадцать копеек, а здесь - двадцать две!". Неразбериха, думается мне, была повсюду. Но "попалась" я.

Пришёл директор, снял табличку, и продажа возобновилась по тем же ценам. Лицо моё горело, руки вспотели. Но я опять села в кассу.

Проверяющий товарищ ушёл и унёс в своём кармане двадцать пять рублей. Как оказалось позже, он обошёл весь район...

Пришло время закрывать магазин, но кто-то ретивый прислал под занавес грузовую машину с тяжелеными цветными телевизорами. Откуда-то набежал и всезнающий народ. В магазине остались ЕБ, женщина,

оформлявшая кредиты, я и грузчик "Герасим".

В двенадцать ночи я была на остановке. Мне повезло: сразу же подошёл троллейбус. Он привёз меня на проспект Гагарина к тётке: на Холодную гору я бы не добралась. Едва передвигая ноги по сугробам, доплелась до нужного дома. Разделась. Присела к столу. Есть от усталости не смогла, но выпила стопочку водки и, положив голову на руки, мгновенно уснула. Так я встретила 1974год!

Зима выдалась холодной. По утрам приходилось спускаться с крутой обледенелой горы. Я скользила, хватаясь за воздух. Падала, поднималась, растирала ушибы. Злилась на что-то или кого-то неведомого, иногда и всхлипывала. И так каждый божий день!

Положенные по закону выходные дни накапливались, и к февралю их оказалось с полсотни. Директор болел. И Людмила Дмитриевна предложила мне отгулять хотя бы неделю. Так я оказалась в Москве. Приехала в гости к дяде и тётке моего зятя Валерия. Жила семья на Каширке. Добиралась я долго, но встретили меня приветливо.

Дядя Борис во времена Никиты Хрущёва занимал значительный пост, связанный с развитием сельского хозяйства в стране. Однажды он направил в правительство письмо, в котором излагал свои мысли по поводу повсеместных посевов кукурузы. Ответом стало изгнание в края далёкие и морозные. Трёхкомнатная полногабаритная квартира в центре Москвы была отобрана. Борис с женой Катей и сыновьями Лёвой и Женей надолго оказались вдали от Москвы.

Вернулись они лет через десять. Борис к тому времени сильно сдал, постарел, полысел. Катя, учительница математики, болела и не работала. Ютились в маленькой квартирке. Незадолго до моего приезда получили стандартную квартиру в пятиэтажке. В центр города добираться было сложно: автобусы до ближайшей станции метро ходили нерегулярно.

Я не увидела единой семьи: ребята – сами по себе, муж и жена почти не разговаривали. Для меня такие отношения были внове: у нас всегда кипела жизнь, и у всех всё было общим: вещи, разговоры, интересы.

Мне отдали одну комнату, а я смущалась: стеснила людей. Мой приезд обрадовал тётку Катю. Она нуждалась в общении: ни муж, ни дети не обращали на неё внимания. За чаем она рассказывала о своей сложной жизни. Я мыла посуду, помогала наводить порядок в кухне. Вместе мы ходили по магазинам. Купили путёвку, и три часа проехали в автобусе с экскурсоводом по Москве.

Не знаю, как тётке удалось уговорить младшего из сыновей, Женю, взять меня в Дом учёных. Но он, на удивление, согласился. Туда он отправился с тремя друзьями. Мы слушали выступление

замечательного скрипача. Но я чувствовала отчуждение спутников. Наверное, впервые в жизни я поняла, что такое снобизм. На мне была юбка муаровая чёрная, пошитая сестрой, голубенькая кофточка, мои длинные волосы были распущены. И я вовсе не ощущала себя убогой провинциалкой. Но, вероятно, мои случайные спутники привыкли замечать в других людях то, что желали увидеть. Что ж, меня не взволновало их безразличие.

В антракте парни отправились в буфет. Я не хотела идти, но пришлось. В кафе они заказали "Грильяж в шоколаде" - пять конфет, возможно, любимых всеми москвичами - и пять бутылок чешского пива. И от конфет, и от пива я отказалась. Ребята пили пиво из бутылок, громко смеялись, а я рассматривала публику, которая, по моему мнению, выглядела интересной и по-настоящему интеллигентной.

Женя, исполнив долг, больше со мной не общался, а Лёва при случайных встречах в коридоре мило улыбался. Ни Женино открытое безразличие, ни Лёвины пустые улыбки меня не волновали и не трогали.

В один из дней я уехала в гости к подруге Зине, где приятно провела время с теми, кто был мне дорог и кому я была небезразлична. Я сумела с юмором описать мой поход в культурное заведение Москвы. Подруга и её брат Саша вместе со мной изрядно повеселились.

В Москве в разных местах купила двадцать килограммов апельсинов подарки для своих сотрудников, везла и торт- мороженое, но пришлось выбросить - растаял.

При расставании Катя плакала, а я в мыслях находилась уже в своей семье, в институте, в магазине, где поджидал меня бесконечный поток дел.

В марте сдала зачёты. Боялась провалиться на государственных выпускных экзаменах. За несколько недель до сдачи политэкономии я наведальась в институт - нужно было уточнить номер аудитории, где пройдёт первый экзамен. В списке группы, с которой с первого учебного дня прошла сложный путь от первокурсницы до выпускницы, себя не нашла. Что за глупость! А где же я? Нашла свою фамилию среди незнакомых мне людей. Позже узнала: в эту группу были собраны все, кто в прошлом не смог пройти выпускные экзамены по разным причинам.

Я ринулась в деканат. В коридоре у двери встретила Валентину Ивановну, ответственного секретаря курса. Внешне она напоминала певицу Людмилу Зыкину. Характером славилась крутым. Поговаривали: Валентина Ивановна брала взятки у студентов за разные услуги, связанные с учебой, но: "не пойман - не вор!" И не мне её ловить. Я занималась успешно, а она за пять лет знакомства прекрасно разбиралась, кто есть кто. Может, потому я подолгу ожидала оценки на

вовремя сданные мной работы.

В те времена я не задумывалась о чужих проделках, моя жизнь и без того состояла из сложностей и нервотрёпки. Много позже, лет через пять после окончания вуза, до меня дошли слухи, что её на чём-то незаконном подловили, но никакого наказания она не понесла. Муж работал то ли в горкоме, то ли в обкоме города: стена у неё оказалась непробиваемой.

Удивительно, но при нашей случайной встрече Валентина Ивановна чуть не бросилась ко мне на шею с приветливой улыбкой. И поинтересовалась: "Как поживаете, как успехи, как подготовились к экзаменам?" На мой вопрос о неожиданном изгнании из группы, в которой находилась все пять лет учёбы в институте, она с недоумением посмотрела на меня:

- Вы же сами просили вас перевести! Приходили две студентки и от вашего имени, с вашего согласия попросили меня об этом. Они подруги, хотят вместе готовиться к предстоящим испытаниям, а вам, мол, безразлично с кем находиться в одной стае.

Моё искреннее изумление заставило её замолчать. Она побледнела. Мне показалась странной её реакция. Она могла переводить кого угодно и куда угодно. Всё, что связано с жизнью курса - распорядок занятий, успеваемость студентов и многое другое - было под её контролем. Я поняла: почему-то она боится огласки в таком мелком деле.

Секретарь пригласила меня следовать за ней. Мы вошли в деканат. Она открыла журнал и предложила мне указать на любые фамилии – их обладателей она незамедлительно переведёт в другие группы. Я отказалась. Она посоветовала подумать. Но я покачала головой: так вышло, значит, такова судьба.

Чтоб успокоиться, прошлась пешком по Сумской. Дошла до железнодорожного вокзала, а спокойствие не наступило. И дома пожаловаться оказалось некому: бабушка стара, мама в последнее время прихварывала, а у сестры - свои заботы.

И на следующий день в магазине жаловаться и сетовать на злой рок не стала. Не смогла открыть рот, хотя мои девчонки знали о том, что мои курсовые списывались одноклассниками, что часто я оставалась допоздна в аудиториях: переводила тексты с немецкого языка на русский для половины курса.

Мой институт располагался в трёх зданиях на разных улицах Харькова. Если раньше я видела Валентину Ивановну раза два-три в год, то теперь она постоянно оказывалась рядом. И задавала один и тот же вопрос: "Что решили?" Я благодарила за заботу, но никого никуда перемещать не собиралась. Она кивала головой, желала удачи и исчезала.

Валентина Ивановна, бывшие сокурсники отошли в сторону. Меня

волновало иное: с кем теперь придётся общаться. Мне рисовались люди неумные, отстающие. Иначе, почему с первой попытки не защитили дипломы? Придя на консультацию перед первым экзаменом, я попала в небольшую комнату, где в ожидании преподавателя за столами сидело человек одиннадцать, двенадцать. Я нашла свободное место и присела рядом с миловидной молодой женщиной. Познакомились. Её звали Светланой. Разговорились. Она разъяснила:

- В эту группу собрали всех, кто по разным причинам в прошлом-позапрошлом годах не выдержал экзаменов. Я и вовсе не сдавала, потому что родила дочечку Леночку.

Светлана заметила моё мрачное настроение и продолжила:

- Не бойся, всё будет хорошо. Тут все нормальные люди. А давай вместе готовиться. Моя дочурка то в яслях, то у свекрови, мы сможем спокойно заниматься. После консультации группа не разошлась. Мы долго общались, советовались, как помочь друг другу на экзаменах. Действительно, всё будет хорошо.

Со Светой посидели в небольшом парке на углу Пушкинской улицы. Оказалось, женщина ещё до рождения дочери жила в соседнем со мной переулке в маленьком частном домике. Сейчас её небольшая семья снимала однокомнатную квартиру недалеко от института. Я ей о себе рассказывала, она - о себе. Моя новая знакомая разоткровенничалась. Я узнала историю её любви и разочарования.

Дружба с будущим, но несостоявшимся мужем началась ещё в школьные годы. В старших классах сидели они за одной партой. После выпускного вечера решили пожениться. Их семьи не возражали. Дождались совершеннолетия. Подали заявление во Дворец Бракосочетания. Внесли залог в кафе. Приглашены были гости и музыканты. Куплены кольца. Дожидалось своего часа и белое свадебное платье. Высокая, белокурая, с голубыми глазами и тонкой талией - в нём она выглядела принцессой из сказки со счастливым концом.

На Светлану всегда обращали внимание мужчины, но для неё чуть ли не с детства существовал только ОН - единственный и неповторимый! Тот, без которого солнечный день превращается в чёрную непроглядную ночь. Она считала его своей второй половинкой. Света говорила, я слушала, чувствуя, что не всё в её истории окажется радужным. Примерно за месяц до свадьбы счастливая невеста почувствовала боль внизу живота. Обойдётся, пройдёт, думалось ей. Но не обошлось: в тяжёлом состоянии попала в больницу. Сложная операция по удалению опухоли. И заключение врачей: вряд ли молодая женщина когда-либо станет матерью. Светлана ни о чём таком не догадывалась. Она ждала любимого человека. И не дождалась. Он ни разу не навестил её в

больнице, не поддержал, не объяснил своего поведения. Она недоумевала: свадьба на носу, а жених отсутствует. А ларчик тот открывался очень просто. Будущая свекровь, поговорив с лечащим врачом, узнала о прогнозе и запретила сыну даже думать о девушке.

Как она тогда не сошла с ума, как выдержала – не знает. И вообще плохо помнит те дни. После выписки из больницы её куда-то увезли родственники. Наверное, провалы в памяти и сохранили ей жизнь.

С тем человеком, который так и не стал её мужем и опорой в жизни, она больше никогда не встречалась. Слыхала от общих друзей, что женился, развёлся, опять женился и вновь развёлся. И ни от одной из жён не имел детей. А она устроилась на работу. Однажды её начальница, зная о ней всё, познакомила со своим сыном. И свадьба была, и без всякого медицинского вмешательства в положенное природой время родила Света здоровую девочку. И ни мужа, ни свекровь это не удивило...

Мы долго разговаривали. И расстались хорошими подругами. В совершенно ином настроении в тот вечер я вернулась я домой. Утро перед первым экзаменом не задалось: затерялась иголка, которой я в последнюю минуту перед выходом попыталась что-то изменить в одежде. И так всегда: в самый неподходящий для портновских дел момент я замечала несуществующие неполадки в одежде. В нашем семействе потеря иглы считалось плохой приметой. И потому все дружно принялись её отыскивать: перетряхивали постели, поднимали половики, заглядывали даже в сахарницу, а вдруг каким-то невообразимым способом она попала туда при утреннем чаепитии. Хотя чай никто и не пил. Не до еды и питья было. Отыскалась, тонкая, скользкая и коварная, в моих домашних тапочках, вернее, в одном из них. На этом приключения не закончились, а лишь только начались: именно меня в тот день вечно озабоченный харьковский люд попытался на полном ходу вытолкнуть из трамвая. Вероятно, сограждане посчитали, что «чем меньше народа, тем больше кислорода». Я отчаянно сопротивлялась: мне ни в коем случае нельзя было опоздать - аудитории с экзаменуемыми закрывались, и даже те из студентов, кто уже "отстрелялся", должны были дожидаться окончания испытаний.

В те годы я не поднималась по крутым ступенькам на пятый этаж, а взлетала. И "полёты" эти иной раз могли окончиться плачевно, но Бог миловал.

При знакомстве группа, к которой я теперь относилась, приняла судьбоносное решение: начав отвечать на экзаменационные вопросы, мы ни при каких обстоятельствах не будем прерывать ответ, потому что

хитрая комиссия, состоящая из лукавых преподавателей, обязательно постарается задать что-нибудь лишнее. А кому из нас это надо?! Взял билет, подготовился как смог и отбарабань его на одном дыхании. Но не всё получается, как желается. Подошла моя очередь. Вытянула билет. Кое-что знала лучше, кое-что - хуже. Уповая на везение, поднялась по ступенькам на кафедру, разложила листочки, открыла рот, произнесла несколько фраз и неустойчивая мебель вместе с моим ответом грохнулась на пол, а я, ни на миг не останавливаясь, за ней следом -ведь "уговор дороже денег!"

Аудитория замерла. Повисла тишина. Нарушал её только мой голос. Затем послышался лёгкий смешок, перешедший в дикий хохот и стенания. Веселились все: и студенты, и преподаватели. И лишь я, не прерываясь, сдавала экзамен. И сдала. А виновата во всём происшедшем была, конечно, иголка...

Экзамены позади. Все студенты в моей группе стали квалифицированными специалистами. Встречая меня, Валентина Ивановна со счастливым лицом восклицала одно и то же:

- Вот, вот, а вы боялись! Я же говорила: всё будет замечательно! Так и вышло! А вашим бывшим сокурсникам не повезло – несколько человек не получают дипломы. Меня и не взволновали, и не обрадовали её слова. Я никому не желала худого, но и сочувствия не испытывала. И думала не о прошедшем, а о проблемах в магазине: непостижимо, но мне постоянно во время сессии передавались записки, и я, при малейшей возможности, мчалась на выручку. За несколько дней до торжественного вечера, посвящённого вручению дипломов, меня на улице нагнали две однокурсницы. Я попыталась ускользнуть - не выношу выяснений отношений. Не удалось. Они оказались проворными.

- Вера, а мы всё гадали, куда ты пропала. Честное слово, не знали, что с тобой мерзко поступили! Ты всегда всем оказывала помощь. Но не жалея, у нас много произошло негативного: поменяли членов экзаменационной комиссии потому, что у старосты группы изъяли листы с ответами, написанными на листах со штампом института. В общем-то, пережито немало.

- Вера, мы собираем деньги на ресторан и на общую фотографию. Пожалуйста, приходи в ресторан, приходи без денег! Все хотят тебя видеть!

Я поблагодарила за приглашение, но от ресторана отказалась. Записала адрес фотоателье, где в тот же день сфотографировалась. Из-за занятости за своим планшетником пришла спустя несколько месяцев. Ни с кем из бывших сокурсников не столкнулась, последний раз всех увидела при вручении дипломов.

Грозная преподавательница по текстилю, её боялись студенты, вручая

мне диплом, сказала: "У вас светлая голова, вам нельзя было учиться на вечерне-заочном отделении, и сейчас необходимо продолжить учёбу в Киеве." Я кивала головой, благодарила, но радовалась свободе.

А в магазине меня ожидал сюрприз: я шла по проходу, а мне, словно какой-то знаменитости, аплодировали сотрудники.

Растерянная, счастливая, с пылающими щеками я принимала поздравления – слова, запомнившиеся на всю оставшуюся жизнь...

Ничто не проходит бесследно. Волнения, спрятанные глубоко внутри, после экзаменов вышли наружу: с высокой температурой я оказалась в больнице. К счастью, а я всегда панически боялась стационаров, в скором времени выписалась.

В нашем отделе ещё больше всё запуталось: Владимир занялся какими-то аферами с кредитами, предлагал участие и мне, но я и слушать не стала. А ещё Володя увлёкся молодой замужней женщиной, работавшей в нашем магазине, но в отделе, расположенном на третьем этаже. Поговаривали, что он подарил ей серьги с бриллиантами, а его мать и жена, где-то подкараулив соперницу, значительно подпортили ей внешний вид. Я ни во что не вмешивалась. Лишь ещё тревожнее становилось на сердце.

А дома серьёзно заболела мама. Её долго обследовали. Врачи пришли к единому выводу - рак. С сестрой мы много плакали. Мама попала в "Неотложку", её прооперировали. Страшный диагноз не подтвердился.

Я не могла к ней часто ездить - в магазине начался переучёт. Так совпало. Мама обижалась, злилась. Как я ни объясняла, что не могу сейчас покинуть рабочее место, она не слышала меня, не желала понимать.

У меня с Володей состоялся серьёзный разговор. Я припомнила ему, как просила быть внимательным, убеждала относиться к работе и людям, подвластным ему, иначе. Теперь, с какими бы результатами ни закончилась бы ревизия, платить не стану - не воровала, свою работу выполняла ответственно, потому никто не заставит меня расплачиваться за чужие огрехи.

Он убеждал меня не увольняться, поменяться должностями. Клялся, что будет слушаться и советоваться. Он меня не убедил. Я устала от мелких ссор, укоров. Принятое решение - раз и навсегда покинуть розничную торговлю - менять не собиралась.

14 июня 1974года я распрощалась с магазином навсегда. Но не забыла, потому что в нём наряду с горькими моментами было прожито много и радостных.

В "Промторге" сначала укоряли, потом уговаривали остаться, затем

предлагали принять как заведующей несколько (на выбор) магазинов, но я уволилась. С торговлей было покончено навсегда!

*Старый Салтов- пригород Харькова с Салтовским водохранилищем, любимым местом отдыха горожан.

ЗАЙДЕЛЬ Вера.

Родилась в Украине 22 июня 1951 г. Совершила алию в марте 1991 г. Живёт в Ашдоде. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Печаталась в израильском журнале "Русское литературное Эхо", в петрозаводской газете "Провинциальный Интеллигент" и московской "Интеллигент". Вошла в шорт-лист российского конкурса "Белая скрижаль" (2010). Награждалась Советником Посольства России в 2011 году Дипломом за сохранение традиций русской литературы в современном творчестве. Некоторые произведения переведены на украинский язык.